

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-2-150-154

Дата принятия рукописи в печать: 12.03.2026 г.

ИЗАКСОН Раиса Андреевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
уголовного права Восточно-Сибирского филиала
Российского государственного университета правосудия
им. В.М. Лебедева,
e-mail: raysa@mail.ru

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ И ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И СИСТЕМНЫЕ ДИСФУНКЦИИ

Аннотация. Вводимые законодательные изменения системы исправительных и принудительных работ, инициированные Федеральным законом от 23.07.2025 № 218-ФЗ, рассматриваются в статье не столько через призму законодательных новаций, сколько через углублённый анализ тех системных проблем, которые эти новации обостряют и выводят на первый план. На основе синтеза актуальных научных исследований автор реконструирует комплекс фундаментальных вызовов правового, организационного и криминологического характера, связанных с исполнением альтернативных наказаний. Доказывается, что ключевой риск воплощения данных изменений заключается в её одномерности: законодатель, расширяя сферу применения и меняя статус применения некоторых видов наказаний, оставляет без внимания сформировавшиеся в доктрине замечания и конструктивные предложения. Сделан вывод о том, что без имплементации этих научных разработок в практику, законодательные новеллы могут привести к институциональной дисфункции, дискредитации идеи гуманизации и росту латентной напряжённости внутри уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: принудительные работы, исправительные работы, ресоциализация, уголовно-исполнительная система, пенитенциарная психология, режим исполнения наказания, пробация, эффективность наказания.

IZAKSON Raisa Andreevna,
Candidate of historical sciences, assistant professor
of the department of criminal law East Siberian branch
of the Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev

CORRECTIVE AND FORCED LABOR: LEGISLATIVE INNOVATIONS AND SYSTEMIC DYSFUNCTIONS

Annotation. The legislative changes introduced into the system of correctional and forced labor, initiated by Federal Law No. 218-FZ of July 23, 2025, are examined in this article not so much through the prism of legislative innovations, but through an in-depth analysis of the systemic problems that these innovations exacerbate and bring to the forefront. Based on a synthesis of current scientific research, the author reconstructs a set of fundamental challenges of a legal, organizational, and criminological nature associated with the implementation of alternative punishments. It is argued that the key risk in implementing these changes lies in their one-dimensionality: the legislator, by expanding the scope of application and changing the status of application of certain types of punishment, ignores the comments and constructive proposals formed in the doctrine. It is concluded that without the implementation of these scientific developments into practice, legislative innovations can lead to institutional dysfunction, discrediting the idea of humanization and increasing latent tension within the penal system.

Key words: forced labor, correctional labor, resocialization, penal system, penitentiary psychology, punishment regime, probation, effectiveness of punishment.

Динамика современного российского уголовного права демонстрирует парадоксальную тенденцию. С одной стороны, гуманизация и поиск альтернатив изоляции остаётся неизменным курсом официальной политики. С другой стороны, конкретные законодательные решения, как в случае с законодательными изменениями начала 2026 года, носят характер не эволюционной доводки механизмов, а их некоторой перестройки. Такой подход, при всей его внешней решительности, может быть неэффективным, если он не подкреплён адекватным научно-экспертным сопровождением и не учитывает накопленный массив критических знаний о реальном положении дел. Настоящая статья ставит целью преодолеть этот разрыв. Её задача – не просто констатировать изменения в статьях 50 и 53.1 УК РФ, а подвергнуть системному анализу проблематику, на которую эти изменения будут накладываться. Мы исходим из тезиса, что игнорирование глубокой, многогранной изученности актуальных вопросов уголовных наказаний, описанной в науке, может не просто снизить эффективность изменений, но и породить новые, более острые кризисы.

Законодательная трансформация принудительных работ из альтернативного в самостоятельный, массовый вид наказания сама по себе является ответом на запрос практики. Однако этот ответ остаётся поверхностным, если он не адресован к сущностным противоречиям института, которые были вскрыты учеными. Так, например, работа Н.Д. Хмелёва выявила внутреннюю дуальность принудительных работ, балансирующих между карательной функцией и адаптационным потенциалом: «Принудительные работы остаются внутренне противоречивым институтом ... Он оказался на границе между карательной и реабилитационной функцией уголовного наказания и требует концептуального переосмысления» [1]. Так, автор не просто констатирует наличие двух функций, а диагностирует внутреннюю противоречивость (дуальность) как системную характеристику института, которая ставит его в пограничное, неопределённое положение между репрессией (карой) и реабилитацией. Именно это концептуальное противоречие, по мнению Хмелёва, лежит в основе многих практических проблем исполнения данного наказания.

Новация 2026 года, добавив в определение указание на «содержание в учреждении УИС», не разрешает это противоречие, а законодательно закрепляет карательный компонент. Это создаёт фундаментальный диссонанс между заявленной целью ресоциализации и реальной пенитенциарной сущностью исправительного центра. В такой

среде, как справедливо отмечает автор, ресоциализация из цели превращается в случайный побочный эффект.

Глубина проблемы усугубляется правовым вакуумом, окружающим режим содержания в исправительных учреждениях.

Как справедливо отмечает Н.Д. Хмелёв, ст. 60.4 УИК РФ, регламентирующая порядок отбывания принудительных работ, носит бланкетный характер и создаёт правовую неопределённость, поскольку «фактически не содержит юридически законченного определения режима, а лишь описывает отдельные элементы... Она носит бланкетный характер и отсылает к Правилам внутреннего распорядка исправительного центра, утвержденным подзаконным актом» [1]. М.А. Селянин, в свою очередь, выявил ряд смежных, конкретных процедурных пробелов (например, в механизме замены наказания и полномочиях администрации), которые являются следствием этой общей «нормативной неопределённости и несогласованности» [2] регулирования. В условиях грядущего масштабирования применения принудительных работ этот нормативный вакуум действительно грозит превратиться в зону произвольного администрирования. Выход из этой ситуации научное сообщество видит в чётком законодательном закреплении понятия режима, о чём, в частности, говорит предложение Д.В. Горбаня о необходимости его фиксации в ст. 60.4 УИК РФ «по аналогии с ч. 1 ст. 82 УИК РФ» [3], что позволило бы конкретизировать как права осуждённых, так и пределы полномочий администрации.

Предложения учёных о введении в УИК отдельной статьи, аналогичной норме о режиме в исправительных учреждениях, звучат сегодня не как академическое пожелание, а как необходимость для предотвращения правового хаоса.

Но, пожалуй, наиболее тревожной в контексте грядущего расширения практики выглядит проблема кризиса психолого-социального сопровождения, о чем ранее мы также писали в других работах. [4] Н.Д. Хмелёв констатирует, что психологическая помощь носит факультативный, добровольный характер и не является обязательным элементом исполнения наказания. Более того, как отмечается, в штатных расписаниях многих центров просто отсутствует должность психолога, а их функции возложены на неподготовленных сотрудников подразделений пробации: «Психологическая помощь в этом контексте должна включать не только индивидуальное консультирование, но и групповые тренинги, социально-психологическое просвещение, развитие коммуникативных навыков, коррекцию деструк-

тивных поведенческих установок. Осужденный должен рассматриваться не просто как объект надзора, а как активный субъект собственной трансформации, в то время как роль психолога заключается не столько в оценке состояния, сколько в сопровождении и поддержке этого процесса. В связи с этим представляется целесообразным нормативно закрепить в типовой структуре исправительных центров подразделения психологического обеспечения – по аналогии с психологическими лабораториями, действующими в колониях-поселениях» [1]

Таким образом, новеллы, увеличивающие приток осужденных, в том числе за экономические преступления (сложный контингент с иными социальными установками), сделает этот дефицит критическим. Отсутствие системной диагностики, коррекции деструктивных установок, помощи в формировании навыков социального взаимодействия обрекает институт принудительных работ на выполнение лишь одной функции – изоляционно-карающей. Труд, лишённый психолого-педагогического сопровождения, теряет исправительный смысл, превращаясь в рутину, которая не меняет личность, а лишь озлобляет её.

Если в контексте принудительных работ ключевыми являются проблемы режима и сопровождения, то январские изменения исправительных работ порождает иные, но методологически схожие вызовы. Новшества 2026 года, исключая из сферы их применения безработных, сама по себе порождает новую проблематику социально-правового характера. Однако, за этим очевидным изменением скрывается более глубокая проблема, на которую косвенно указывает логика нововведений: неэффективность прежней модели трудоустройства через органы местного самоуправления. Законодатель, по сути, признал провал этой патерналистской модели, предпочтя переложить все риски и ответственность на самого осужденного. Но созданная им новая модель – 15 дней на поиск работы или регистрацию в службе занятости с жёсткими санкциями за неисполнение – игнорирует реалии рынка труда и криминогенные факторы.

В этом контексте приобретает особую остроту проблема, поднятая П.В. Тепляшиным и М.Р. Янгуповым, – отсутствие объективных критериев и унифицированных процедур для оценки результатов исправительного воздействия, в том числе через труд. Авторы, анализируя именно принудительные работы, указывают на фундаментальный пробел: «отсутствие единой системы мониторинга и оценки эффективности программ по исправлению осужденных», а также «несовер-

шенство механизма определения степени исправления... отсутствие... унифицированной классификации уровней... исправления» [5].

Новый механизм исправительных работ, по сути карающий за бездействие на рынке труда, делает эту проблему острой. Возникает ключевой вопрос: как оценить добросовестность поиска работы, где грань между объективной невозможностью трудоустроиться и злым уклонением? Для решения выявленной ими методологической проблемы авторы предлагают конкретный инструмент – «внедрение качественной оценки уровня исправления... посредством реализации общественно полезного труда», включающей три этапа: «сбор и обобщение сведений об осужденном... анализ и сопоставление обобщающих показателей... определение достигнутой осужденным степени исправления» [5].

Таким образом, Тепляшин и Янгупов предлагают не просто констатировать пробел, а ввести системную, поэтапную процедуру оценки, основанную на сборе данных и анализе динамики. В отсутствие подобных разработанных методик для сферы исправительных работ правоприменители будут вынуждены оперировать формальными признаками, что неизбежно приведёт к ошибкам и усилению социальной несправедливости, толкая людей, оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах, к более жёстким видам наказания.

Таким образом, синтез проблем, обсуждаемых в научной литературе, рисует картину глубокой системной дисфункции в сфере альтернативных наказаний, элементы которой, не будучи устранёнными, получают новое опасное звучание в условиях планируемого с 2026 года масштабирования практики, особенно в отношении принудительных работ. Исходной и фундаментальной проблемой видится отсутствие чёткого правового режима для исправительных центров. Ключевая норма, регулирующая порядок отбывания наказания, носит декларативный и бланкетный характер, отсылая к подзаконным актам, что создаёт базовую правовую неопределённость. Эта законодательная расплывчатость закономерно транслируется на уровень правоприменения, порождая целый комплекс смежных процедурных коллизий и пробелов, которые в научном дискурсе характеризуются как проявление общей нормативной несогласованности.

Из этого правового вакуума напрямую проистекает следующее критическое уязвимое место — системный дефицит профессионального психолого-социального сопровождения. Сложившаяся практика такова, что психологическая помощь осуждённым остаётся факультативной

мерой, реализуемой лишь с их согласия и не интегрированной в обязательную канву исполнения наказания. Фактически это ведёт к подмене комплексной реабилитационной работы простым формальным надзором. Ситуацию усугубляет институциональная слабость: штатные расписания многих исправительных центров исторически не предусматривают должностей психологов, а их функции зачастую возлагаются на сотрудников иных профилей, что ставит под сомнение качество и эффективность такой «помощи».

Логичным следствием кадрового и методического кризиса становится дисфункция основного средства исправления — общественно полезного труда. Без внятных критериев и инструментов оценки его преобразующего потенциала он рискует выродиться в механическую, бессмысленную повинность. Современное состояние дел характеризуется отсутствием единой системы мониторинга и оценки результатов исправительного воздействия, а также несовершенством самого механизма определения степени исправления личности. В таких условиях измерить реальную эффективность труда и его вклад в ресоциализацию невозможно, что обесценивает саму идею исправления через трудовую деятельность.

Завершает эту цепь взаимосвязанных проблем дисфункция стимулирования, коренящаяся в неразвитости легальных процессуальных форм поощрительной деятельности. Отсутствие законодательно оформленного, детализированного механизма позитивного подкрепления правоопослушного поведения приводит к перекосу в сторону чисто репрессивных методов управления. Как справедливо отмечает Андреева, в частности в работе, посвящённой поощрительному производству, в действующем регулировании отсутствует целостный процессуальный инструмент, позволяющий системно и документально фиксировать позитивное поведение для его стимулирования. Автор этого исследования констатирует, что для исправления ситуации поощрительное производство должно быть признано «самостоятельным видом уголовно-исполнительного производства» с чётко установленными признаками и стадиями [6]. Система, лишённая таких процессуальных инструментов для поощрения, вынужденно фокусируется почти исключительно на санкциях за нарушения, что вступает в прямое противоречие с декларируемыми целями исправления и ресоциализации, сводя их на нет.

Анализ научного дискурса позволяет выявить не набор разрозненных недостатков, а целостную систему взаимозависимых институциональных сбоев. Важно, что критика в литера-

туре сопровождается конструктивными предложениями по системной перезагрузке. В частности, для исправления перекоса в сторону репрессии предлагается детальная разработка и законодательное закрепление полноценного поощрительного производства как самостоятельного процессуального инструмента. Для преодоления кризиса оценки эффективности труда научное сообщество видит выход во внедрении многоэтапной системы качественной оценки, основанной на сборе данных, анализе динамики и вынесении индивидуального заключения. Решение кадровой проблемы психологического сопровождения видится в обязательном включении в структуру исправительных центров штатных подразделений психологического обеспечения. Наконец, для устранения конкретных процедурных тупиков и коллизий, порождаемых общей законодательной неопределённостью, предлагается череда точечных, но системных поправок в уголовное и административное законодательство. Игнорирование этих научно обоснованных рекомендаций на пороге масштабной реформы чревато не повышением эффективности, а кризисом всей системы альтернативных наказаний.

Можно сделать вывод, что изменения в законодательстве 2026 года, касающиеся исправительных и принудительных работ, проходит в тревожном разрыве между масштабом законодательных амбиций и глубиной нерешённых системных проблем. Законодатель, меняя архитектуру альтернативных наказаний, действует как хирург, решившийся на сложную операцию, но проигнорировавший данные предоперационной диагностики. Узкие места, выявленные пенитенциарной наукой – правовой вакуум режима, кризис психологического сопровождения, профанация исправительного труда – не просто сохраняются. Они превращаются в потенциальные точки сбоя для всей системы в новых условиях её массового функционирования.

Следовательно, необходимо не только строительство новых зданий исправительных центров, но и сборка всей системы, основанной на уже имеющихся научных разработках. Это требует, во-первых, внесение в УИК РФ норм, детализирующих режим в исправительных центрах. Во-вторых, разработку и регламентацию работы психологов. В-третьих, внедрение унифицированных методик оценки исправления и ведения поощрительного производства, и, наконец, налаживания реального, а не формального взаимодействия между исправительными центрами и органами занятости.

Без этого комплексного подхода, основанного на актуальном научном знании, законода-

тельные изменения, касающиеся данных видов уголовных наказаний, рискуют создать не современные центры ресоциализации, а карательные учреждения нового типа, где внешняя гуманность будет скрывать внутреннюю деградацию исправительного процесса.

Список литературы:

[1] Хмелёв Н.Д. Принудительные работы как механизм социальной адаптации: проблемы правовой и организационной реализации // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2025. № 3(58). С. 130–138.

[2] Селянин М.А. Некоторые правовые проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ и пути их решения // Вестник Пермского института ФСИН России. 2025. № 1 (56). С. 86–91.

[3] Горбань Д.В. К вопросу о понятии и содержании режима в исправительных центрах // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов XI Международной научно-практической конференции, посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (г. Пермь, 03–05 апреля 2024 года). Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 185–188.

[4] Изаксон Р.А., Пак И.В. Исправление осужденных в оперативной, воспитательной и психологической работе уголовно-исполнительной системы // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12. № 3.

[5] Тепляшин П.В., Янгulов М.Р. Правовое регулирование исправления осужденных, отбывающих принудительные работы, посредством общественно-полезного труда // В сборнике: Наука: опыт, проблемы, перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции. Красноярск, 2025. С. 177–179.

[6] Андреева Ю.В. Признаки поощрительного производства при исполнении принудитель-

ных работ // В сборнике: Наука: опыт, проблемы, перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции. Красноярск, 2025. С. 124–126.

References:

[1] Khmelev N.D. Forced labor as a mechanism of social adaptation: problems of legal and organizational implementation//Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service. 2025. № 3(58). S. 130-138.

[2] Selyanin M.A. Some legal problems of execution of punishment in the form of forced labor and ways to solve them//Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2025. № 1 (56). S. 86-91.

[3] Gorban D.V. On the question of the concept and content of the regime in correctional centers// Penitentiary system and society: experience of interaction: Sat. materials of the XI International Scientific and Practical Conference dedicated to the 145th anniversary of the penal system of the Russian Federation (Perm, April 03-05, 2024). Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2024. S. 185-188.

[4] Isakson RA, Pak I.V. Correction of convicts in the operational, educational and psychological work of the penal system//Baikal Research Journal. 2021. VOL. 12. № 3.

[5] Teplyashin P.V., Yangulov M.R. Legal regulation of the correction of convicts serving forced labor through socially useful labor//In the collection: Science: experience, problems, development prospects. Materials of the international scientific-practical conference. Krasnoyarsk, 2025. S. 177-179.

[6] Andreeva Yu.V. Signs of incentive production in the performance of forced labor//In the collection: Science: experience, problems, development prospects. Materials of the international scientific-practical conference. Krasnoyarsk, 2025. S. 124-126.

